

На правах рукописи

КРИВОЩАПОВА Юлия Александровна

**РУССКАЯ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Специальность: 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2007

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Елена Львовна Березович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Татьяна Александровна Гридина
ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

кандидат филологических наук
Татьяна Валерьевна Леонтьева
ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет»

Защита состоится «30» октября 2007 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 286.03 при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан «___» сентября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящей работе предложен опыт лингвистической реконструкции русских народных представлений, связанных с микромиром насекомых. Данное исследование относится к этнолингвистическому направлению современного языкознания, сосредоточенного на реконструкции традиционной картины мира в зеркале языка.

Объектом анализа послужили наименования насекомых в общенародном русском языке и русских народных говорах, а также семантические дериваты, образованные на базе энтомологической лексики, фразеологические образования, компонентами которых являются обозначения насекомых.

Данная группа слов рассматривается как результат интерпретации, обобщения и закрепления в языковых единицах свойств объектов действительности и отношения к ним носителя языка.

Выбор объекта исследования был продиктован следующими причинами. Во-первых, диалектные и общенародные наименования насекомых – одна из недостаточно изученных областей лексики русского языка, поэтому специальное исследование данной группы слов может иметь значимость в этимологическом, ономазиологическом и семасиологическом отношении. Во-вторых, это одна из «наполненных» групп русской лексики, которая обладает ярко выраженным деривационным потенциалом. В-третьих, избранная для анализа группа слов представляет значительный интерес с точки зрения антропологической парадигмы исследования языка прежде всего в силу специфического отношения человека к миру насекомых. Насекомые представляют собой особую «касту» среди представителей животного мира, благодаря своей мизерности и осязаемой вовлеченности в мир человека, что создает яркую палитру их наименований в языке и символическую разработанность в народной культуре.

Привлечение к анализу диалектного лексического материала, «архивирующего» особенности традиционной духовной культуры, предопределило этнолингвистический характер исследования и позволило использовать комплексный подход к языку, предполагающий рассмотрение языковых фактов в широком контексте фольклора, верований и ритуалов.

В современной славистике этнолингвистическое направление связано в первую очередь с трудами представителей Московской этнолингвистической школы Н. И. Толстого и С. М. Толстой и Люблинской школы Е. Бартминского. В русле этнолингвистической проблематики выполнены работы Т. А. Агапкиной, Н. П. Антропова, О. В. Беловой, Е. Л. Березович, Т. В. Вендиной, Т. В. Володиной, А. В. Гуры, А. Ф. Журавлева, В. И. Ковалева, Д. Младеновой, А. Б. Мороза, С. Е. Никитиной, И. А. Подюкова, М. Э. Рут, И. А. Седаковой, А. В. Юдина и др.

Нацеленность этнолингвистики на выявление комплекса народных представлений о мире определяет преимущественное внимание к наиболее информативным в этом плане языковым явлениям – семантике и мотивации языковых единиц. Исходя из этого, *предметом* данного исследования стали семантические особенности и мотивационные связи энтомологической лексики как наиболее надежные «хранители» этнокультурной информации.

Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена значимостью реконструкции традиционных представлений о мире в зеркале языка, а также отсутствием в современной русистике работ, в которых производится комплексный этнолингвистический анализ энтомологической лексики русского языка.

Цель исследования – этнолингвистическая характеристика русской энтомологической лексики.

Данная цель предполагает решение ряда задач: 1) определить состав изучаемой лексической группы в русских диалектах и общенародном языке; 2) охарактеризовать наивную (в противовес научной) энтомологическую категориальную систему по данным языковой системы; 3) проанализировать названия насекомых в русском языке с точки зрения признаков номинации; 4) выявить и описать регулярные мотивационные модели (концептуальные коды), которые реализуются в русских названиях насекомых и в дериватах на базе энтомосемизмов; 5) прокомментировать «темные» в мотивационном отношении лексические факты; 6) реконструировать этнолингвистические «портреты» отдельных насекомых; 7) выявить для названий насекомых и их дериватов мотивационные параллели во внеязыковой сфере – в системе фольклора, ритуала, верований.

Материал для исследования был извлечен путем сплошной выборки из различных лексикографических *источников* – как опубликованных (словарей), так и неопубликованных (лексических картотек). Из диалектных словарей фронтально были просмотрены: Словарь русских народных говоров, Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, Архангельский областной словарь, Новгородский областной словарь, Словарь русских говоров Среднего Урала (и дополнения), Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, Словарь вологодских говоров, Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук, Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении др., всего 63 словаря. Основной массив материала составили данные словарей севернорусского наречия (архангельских, вологодских, новгородских, псковских и др. говоров), а также говоров, расположенных на территории вторичного заселения (Сред-

него Урала, Западной Сибири и др.). Именно эти говоры наиболее полно представлены в русской лексикографической традиции.

Отдельную и очень важную группу источников представляет собой **лексические картотеки**. К анализу привлекаются данные картотек, составленных на основе полевых записей топонимической экспедиции Уральского государственного университета (ТЭ УрГУ), которые хранятся на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ: картотеки Словаря говоров Русского Севера, лексической картотеки топонимической экспедиции (ЛКТЭ) по территории Костромской области, картотеки Этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области, картотеки антропонимических материалов ТЭ УрГУ по территории Русского Севера. В полевой работе в составе ТЭ УрГУ в 1999–2007 гг. принимал участие автор настоящего исследования.

Кроме того, использовались материалы картотеки Словаря русских народных говоров и картотеки Общеславянского лингвистического атласа, хранящиеся в Институте лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Для системного освещения материала в работе анализируется также общенародная энтомологическая лексика, зафиксированная в словарях русского литературного языка. В некоторых случаях к анализу привлекаются жаргонизмы, извлеченные из Большого словаря русского жаргона.

Источниками **фольклорных и этнографических** данных стали собрания материалов В. И. Даля, В. Н. Добровольского, М. Забылина, Д. К. Зеленина, сборник русских загадок Д. Н. Садовникова, Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции Российского государственного гуманитарного университета, картотека этнографических материалов ТЭ УрГУ и др.

В качестве славянского фона нами были привлечены факты лексики и фразеологии украинского, белорусского, болгарского, сербского, польского, чешского языков, которые были извлечены из соответствующих диалектных, литературных и этимологических словарей. Кроме того, использованы этнографические материалы по различным славянским традициям.

Для анализа материала используются следующие **методы**: метод семасиологического анализа, метод семантической реконструкции, ономастического и этимологического анализа. В работе реализуется принцип комплексного анализа языковых фактов с опорой на семантико-мотивационные параллели – как языковые (междиалектные и межъязыковые), так и внеязыковые, относящиеся к сфере фольклора, ритуала, верований.

Научная новизна исследования определяется комплексным этнолингвистическим подходом к изучению языковых и культурных источников информации о мире насекомых, который позволяет реконструировать фрагмент русской народной языковой (и шире – символической) картины мира, связанный с насекомыми. В научный оборот вводится обширный лексический материал, в том числе содержащийся в неопубликованных источниках и собранный в полевых условиях.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней выявлено семантическое и мотивационное своеобразие русской народной энтомологической лексики; разработана методика этнолингвистического портретирования, основанного на семантико-мотивационном анализе лексического материала, который рассматривается на широком культурном фоне; предложены семантические реконструкции и этимологии для ряда лексем и фразеологизмов с затемненной внутренней формой.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в учебной практике при подготовке курсов по этнолингвистике, этимологии, ономастологии, сравнительной славянской лексикологии; при лексикографическом описании русской диалектной лексики; при разработке методики полевых диалектологических и этнолингвистических исследований.

Апробация работы. Основные положения были изложены автором в докладах на ежегодной региональной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения» (Екатеринбург, 2001), всероссийской конференции «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 2002), IV международной научной конференции «Русская диалектная этимология» (Екатеринбург, 2002), V–VI межвузовских конференциях молодых исследователей «Языки традиционной культуры» (Москва, 2003, 2004), международной научной конференции «Ономастика в кругу гуманитарных наук» (Екатеринбург, 2005), международной научной конференции «Сны и видения в славянской и еврейской традиции» (Москва, 2006). По теме исследования опубликовано 16 работ (в том числе 12 статей и 4 тезисов докладов).

Структура работы. Работа включает введение, 3 главы, заключение и приложение. Общий объем работы ... страниц, из которых ... страниц составляет основной текст.

Положения, выносимые на защиту.

1. Общепринятые и диалектные обозначения насекомых составляют особую подсистему, сформированную под влиянием наивной языковой картины мира и существенно отличающуюся от научной энтомологической системы. Представления о насекомых детально разработаны не только в

языке (в русской народной лексике выделяется обширный комплекс энтомосемизмов и их дериватов), но и в культуре, о чем свидетельствует богатство и разнообразие фольклорных текстов, ритуалов и верований, связанных с этими животными.

2. Объединение насекомых в один класс на уровне номинации и языковой семантики происходит на основании таких категориальных признаков, как маленький размер и множественность. Внутри рассматриваемого класса насекомые могут подразделяться на «чистых» (*божья коровка, муравей, пчела*) и «нечистых», «поганых» (*оводы, гнус*); домашних (*блохи, клопы, тараканы*) и обитающих в открытом природном пространстве (*бабочка, жуки, комар, кузнечик, стрекоза*).

3. Среди номинативных признаков, выявленных в результате ономастолого-этимологического анализа русской энтомологической лексики, наиболее востребованными оказываются: звук, место обитания и время биологической активности насекомых.

4. Среди регулярных мотивационных моделей номинации, реализующихся в обозначениях насекомых, а также семантических дериватах на базе энтомосемизмов, следует выделить зоонимическую, антропонимическую, этнонимическую и хрононимическую модели.

5. Некоторые энтомосемизмы выступают в качестве «доноров» для наименования: а) внутренних болезней домашнего скота; б) умственных отклонений человека; в) особенностей характера; г) физического состояния человека. Это свидетельствует о существовании особой энтомосемической модели в обозначениях аномальных психофизических состояний человека или животного.

6. Для характеристики народных представлений о насекомых, отраженных в языке и народной культуре, целесообразно использование методики этнолингвистического портретирования, позволяющей выявить основные черты культурно-языкового образа конкретного персонажа. Образ насекомого воссоздается через систему мотивационных признаков, среди которых выделяются дескриптивные свойства, отражающие реальные особенности объекта, и эмпатические, связанные с ирреальными характеристиками насекомого.

7. Образы насекомых в народной языковой картине мира разработаны неравномерно: выявляются символически более (*бабочка, божья коровка, вошь, муха*) и менее (*клец, тля, моль*) «нагруженные» представители класса. Такая неравномерность определяется разными факторами: степенью вовлеченности объекта в сценарий взаимодействия с человеком, «антропоморфным» потенциалом реалии, уникальными внешними особенностями насекомого и др.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность выбранной темы, рассматривается литература по теме, характеризуется материал и принципы его отбора, формулируется цель и основные задачи исследования, описывается структура работы.

В *первой главе* «Характеристика организации семантико-мотивационной группы «насекомые» осуществляется семантическая и мотивационная характеристика названий насекомых и их дериватов; рассматриваются общие закономерности формирования наивной энтомологической категориальной системы, отраженной в системе языка; проводится ономаσιологический анализ материала и выявляются номинативные и прагматические особенности русских обозначений насекомых.

В *первом разделе главы I* комплекс энтомосемизмов и их производных рассматривается в аспекте языкового отражения наивной (в противовес научной) энтомологической категориальной системы.

В результате семасиологического и ономаσιологического анализа материала было установлено, что в сознании носителя языка насекомые объединяются в класс на основании признака «мелкий», позволяющего выделить их из всего животного мира. В большой степени на признак размера ориентированы вторичные наименования, образованные от названий насекомых и обозначающие, в частности, маленького ребенка или человека небольшого роста, ср. диал. *жуклёнок* 'малый ребенок', *клопышка* 'маленький ребенок', *мушйха* 'прозвище малорослой женщины', разг. *клоп* 'шутл. о маленьком ребенке', *козявка* 'прозвище человека маленького роста'. При этом нейтральный признак «маленький размер» легко трансформируется в оценочный «презренный, ничтожный»: диал. *вошь, дай мне грош* 'о самонадеянном мальчике', *вишйвик* 'бранное слово (по отношению к детям)', ср. также многочисленные просторечные примеры экспрессивных наименований ничтожного, «мелкого» человека: *белая моль, вошь, гнус, насекомое, тля* и проч.

В некоторых паремиях насекомые выступают как своеобразный эталон мизерности, микроскопичности, ср. литер. *сделать из мухи слона, сделать из комара вола*. На признак множественности указывают в основном прямые собирательные наименования – *блохота* 'блохи', *вошва* 'вши', *зядь* 'гнус', *мурá* 'мошкара, гнус'; наречия со значением 'совокупное множество насекомых' – *комáрно, óводно, мóшкарно*.

Кроме того, благодаря признаку нечистоты, насекомые включаются в класс гадов, внутри которого они противопоставлены другим «гадким» животным по признаку множественности и маленького размера. Об этом свидетельствуют собирательные обозначения летающих и кусающих насекомых, образованные на базе слов **gad-*, **gnus-*, **kast-* и проч. с доминирую-

шей семантикой 'нечто вызывающее отвращение, пакость', ср. *гад, гáведь, дрянь, нéгодь, гнус, касть, погáдые мухи, страм*. Подобные экспрессивные номинации свидетельствуют о преобладающем негативном восприятии насекомых как определенных представителей животного мира.

Несмотря на то, что насекомые объединяются в отдельный денотативный класс, границы этого объединения довольно зыбкие. В результате внутрикатегориальных сближений насекомые часто «смешиваются» друг с другом, о чем свидетельствуют случаи, когда одна и та же лексема соответствует разным реалиям (*веретно́* 'стрекоза' и 'кузнечик'; *кобы́лка* 'сверчок' и 'стрекоза'; *поп* 'вид бабочки', 'стрекоза', 'навозный жук'), а также ситуации, когда насекомое одного вида определяется через наименование насекомого другого вида (*му́ха* 'пчела', *муравей* 'комар', *овод* 'колорадский жук', *светля́к* 'майский жук'). Это говорит о тенденции неразличения отдельных видов насекомых внутри класса и «размытости» народной таксономии, что связано с «незначительностью» самой реалии.

В результате межкатегориальных сближений класс насекомых пересекается с такими классами, как грызуны (мыши, крысы), пресмыкающиеся (змеи), птицы, черви.

Внутри класса насекомые подразделяются на две группы. В первую группу входят «нечистые», вредные насекомые, тесно смыкающиеся с *гадами*, о чем свидетельствуют их экспрессивно-негативные обозначения типа *гадина, гну́сье, погáная муха* и проч. Вторую группу составляют так называемые «чистые», «богоугодные» насекомые (*пчела, божья коровка, муравей, светлячок*), характеризующиеся положительной оценкой номинатора, что проявляется в наименованиях типа *бо́жий огонёк, бо́жья угóдница, бо́жья му́шка, души́*.

Второй раздел содержит ономасиологический анализ русских энтомосемизмов, сохранивших прозрачную внутреннюю форму или же такую, которая может быть подвергнута этимолого-словообразовательной интерпретации в рамках русского языка. В этой части работы материал представлен в виде классификации мотивационных признаков, участвующих в образовании энтомосемизмов.

В ходе анализа был выделен следующий комплекс номинативных признаков.

Номинация по собственному признаку предмета: ♦ признак, характеризующий объект по звуку (*зудóк, дундырь, жу́жга, пискун, свёря, строкá*); ♦ признак, характеризующий объект по цвету (*бу́сая мо́шка* [*< бусый 'серый'*], *зелёная блоха, красне́ц, пестру́шка, полосáтка, ры́жий таракáн*); ♦ признак, характеризующий объект по запаху (*бздунья, воню́чий жук, душино́й клоп*); ♦ признаки, характеризующие другие внешние особен-

ности (*долгоносики*, *жестокáрь* [имеет твердый хитиновый покров], *крестóвка* [имеет рисунок в виде креста], *плоскушка*, *пузанок*, *рогáч*); ♦ признаки, характеризующие особенности перемещения в пространстве (*бегуны́*, *медляк*, *плавун*, *полетушка*, *поползуха*, *поскакушка*, *скачок*); ♦ признак, характеризующий поведение насекомого (*посика́ха* ‘муравей’ [< *ссать*], *плевóк* ‘муха’ – «Плевок – летает муха така, ниче не клади, наплюет – и червь будет» [< *плевать*], *толкачи́* ‘мошки, которые собираются в большом количестве и как бы толкуются в воздухе’).

В группе признаков, характеризующих поведение насекомого, были выделены акциональные, определяющие действия насекомых безотносительно другого объекта, например, «прыгучесть» (*скачо́к* ‘кузнечик’), и интерактивные признаки, проявляющиеся в ситуации взаимодействия насекомого с человеком или животным (*клева́чка* ‘о жалящем насекомом’ – «Эта клевачка оса, она и клонет, так, знаешь, больно» [< *клевать*], *конежа́р* ‘овод’ [< *жарить* ‘кусать’], *стриж-балда́*, *стриж*, *стригу́н* ‘большой жук с черными усами’ – «Не ори, вот стриж-балда тебя обреет, стриж волосы дергат с корнем» [< *стричь*]).

Номинация по относительному признаку предмета: ♦ локативный признак (*вошь рыба́я*, *говенник*, *житничек*, *моль шубная*, *прудовой таракáн*, *хатный паук*); ♦ темпоральный признак (*веснянки*, *майка*, *минутка*, *му́ха-сентября́ха*, *обыде́нка*, *суме́ря*).

В качестве наиболее продуктивной была отмечена звукоподражательная номинативная модель. Многими фактами подтверждается тенденция к номинации по локативному признаку, указывающему на место обитания насекомого, и номинации по темпоральному признаку, указывающему на время биологической активности или продолжительность жизни насекомого. В качестве раритетной следует выделить модель по признаку, указывающему на размер насекомого, ср. только урал. *больша́я му́ха*. Признак размера внутри класса оказывается недистинктивным, так как все насекомые малы́.

Третий раздел посвящен анализу наименований насекомых с точки зрения ономаσιологической прагматики. Целью данной части исследования стало выявление и описание номинативных реакций, отражающих прагматические (оценочные) установки номинатора, возникшие в результате взаимодействия человека с насекомыми. Выделенная в процессе анализа совокупность номинативных черт, присущих конкретной лексической группе, позволила уже на когнитивном уровне обобщить их в виде первичной прагматической установки номинатора. Такой оценочной установкой стало общее резко негативное отношение человека к большинству насекомых, которое получило вербальное воплощение в следующих номинативных

реакциях: ♦ использование при именовании насекомых лексем, содержащих сему 'нечто неприятное', примеры см. выше; ♦ возникновение семантических дериватов на базе переноса «насекомое» → «негативная характеристика человека», ср. экспрессивные этнотомологические обозначения ничтожного, подлого человека *вошь*, *вишівый граф*, *гнус*, *клоп*, *тля*; ♦ использование эвфемистических наименований насекомых-паразитов: 1) отантропонимические обозначения – диал. *марфушка* 'вошь', простореч. *стасики* 'тараканы', 2) наименования в детской речи – *амка* 'блоха' – «Смотри, котато амки заели» (ср. *амкать* 'детск. лаять (о собаке)'; 'кусать, глотать', ср. еще *амки* в значении глагола 'детск. кушать, есть').

Во *второй главе* «Регулярные мотивационные модели в сфере энтомологической лексики» рассматриваемое энтомологическое лексическое пространство характеризуется с точки зрения «левых» и «правых» семантико-мотивационных связей. По словам С. М. Толстой, любое поле характеризуется «воплощенными в его лексике мотивационными моделями» («левая» мотивация) и «моделями, в которых составляющее его [поле] слова участвуют в качестве мотивирующих по отношению к лексике других семантических полей»¹ («правая мотивация»). В случае с «левой» мотивацией в создании энтомосемизма принимает участие лексема из другой предметно-тематической сферы (например, зооним), развивающая энтомологическое значение, ср. *кобылка* 'кузнечик', *черепашка* 'мелкое насекомое, букашка'. В случае с «правой» мотивацией название насекомого служит номинативной платформой для создания отэнтомологического наименования, демонстрирующего связи с «принимающей стороной», т. е. другой лексической группой: это могут быть обозначения человека (литер. *жук* 'о пронырливом, хитром человеке, плуте', диал. *мурáш* 'кропотливый, заботливый хозяин'), наименование болезни (диал. *мотыль* 'болезнь скота'), названия растений (диал. *жёлтый комар* 'растение *Agrimonia eupatoria*') и др. Применительно к семантико-мотивационной группе «насекомые» реализуется как «левый», так и «правый» потенциал.

Некоторые из таких мотивационных связей, как «левых», так и «правых», становятся регулярными, что «проявляет себя в существовании мотивационных моделей, охватывающих не единичные пары слов, а целые классы слов...»² и «затрагивающих» названия насекомых разных видов (т. е. «пронизывающих» все энтомологическое лексическое пространство). Например, регулярной является мотивационная модель «крупное животное» →

¹ С. М. Толстая Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 116.

² Там же. – С. 114.

«насекомое», которая лежит в основе обозначений насекомых разных видов, ср. литер. *жук-олень*, диал. ср.-урал. *корбушка-бурэнушка* 'божья коровка', костр. *лошадка* 'кузнечик', ряз. *попова собака* 'гусеница', терск. *кобелёк* 'ночная бабочка', пск. *медвёдок* 'жук дубовый, усач', ср.-урал. *пчелиный волк* и др.

Повторяемость соотношения энтомологической сферы с другими областями действительности, носящая системный характер, потребовала использования более крупной, по сравнению с мотивационной моделью, единицы описания материала, которую мы определили как концептуальный код. Это своего рода предметно-тематический «язык», посредством которого мы можем «говорить» об одной сфере действительности через регулярное сопоставление ее с другими сферами (в нашем случае – о насекомых «через» крупных животных, человека, предметы или о болезнях, психосоматических состояниях человека «через» насекомых).

В результате анализа материала были выделены зоологический, антропологический и хронологический концептуальные коды.

В первом случае насекомые осмысляются через крупных животных (в частности, через домашний скот). Этот концептуальный код имеет разное субстанциональное воплощение: как вербальное – «животные» названия насекомых (примеры см. выше), так и невербальное – в ряде обрядов с участием насекомых, направленных на лечение и сохранение плодovitости скота (например, в Вологодской губернии тараканов прикармливали по большим праздникам – считалось, что чем больше будет черных тараканов, тем лучше будет водиться скотина).

В основе антропологического концептуального кода лежит идея сопоставления мира насекомых и мира человека. Выделенный код имеет несколько вариантов воплощения: это и энтомологические обозначения человека – простореч. *белая моль* 'неприметный человек', диал. новг. *букáха* 'о человеке небольшого роста' и проч., и напротив – антропологические обозначения насекомых – диал. урал. *казачок* 'букашка', волог. *майор* 'таракан', карел. (рус.) *американец* 'слепень', смол. *жидовский писарь* 'водомерка' и проч.

В центре нашего внимания оказались две наиболее яркие мотивационные модели, отражающие антропологический «потенциал» насекомых. Первая модель – этнонимическая – именование насекомых через обозначения чуждых номинатору народов или этнических групп (этнонимы): литер. *прусак*, диал. пск. *киргиз*, волог. *цыган*, пск. *швед* 'различные виды тараканов'. Эта модель охарактеризована по лексическим данным не только русского языка, но и других славянских языков и диалектов. В ряде случаев приводятся также мотивационные параллели из неславянских языков – гер-

манских, романских, балтийских и финно-угорских. Такой широкий охват материала позволяет утверждать, что рассматриваемая модель претендует на статус типологической, ср. рус. *францыз* 'таракан', чеш. *pětci* 'муравьи, обитающие в траве', франц. *espagnol* 'вошь'. Изучаемые наименования, в основном, являются экспрессивными: сравнение представителя чужого народа с насекомым (как правило, вредителем или паразитом) не может восприниматься нейтрально.

Логическим продолжением антропоморфизации, характерной для восприятия класса насекомых, можно считать функционирование в диалекте антропонимической модели номинации, ср. дон. *алёнка* 'майский жук', тул. *антипка* 'майский жук', дон. *вась* 'божья коровка', арх. *пávка* 'паук', волог. *стёпушка* 'таракан', арх. *павлушко* 'паук'. Отантропонимические наименования насекомых были распределены на три группы в зависимости от типа имен, участвующих в их возникновении.

В первую группу включены энтомосемизмы, восходящие к так называемым «беспрецедентным» именам. Под «беспрецедентным» именем понимается антропоним, не имеющий явной культурной «предыстории» или коннотации и не связанный с именами святых, исторических личностей, мифологических персонажей и проч. – это своего рода «имя вообще», ср. простореч. *стáсик* 'таракан', диал. костр. *марфушка* 'вошь'.

Вторую группу составили энтомосемизмы, восходящие к precedentным именам (так мы условно обозначили названия церковных праздников и имена мифологических персонажей), ср. *пауты прокопьевичи* 'в поговорке, означающей, что оводы пропадают с Прокопьева дня', *мошка семёновна* 'фольк. мошка, которая пропадает после Семенова дня' и *вáнечка, ивáнчик* 'божья коровка' (номинации с корнем *иван-* некоторыми учеными связываются с купальскими обрядами и с гаданиями о женихе). Отметим, что все отантропонимические наименования, образованные от имен мифологических персонажей, принадлежат конкретному насекомому – *божьей коровке*.

В третью группу вошли энтомосемизмы, приобретшие статус квазиантропонима в процессе фонетического сближения с именем, ср. *мака́р* (мн. *мака́ры*) 'шутл. комар', созвучное видовому наименованию насекомого *кома́р*, сев.-рус. названия паука *пáвел, пávка, пáвко, павлушко*, возникшие из *па(в)ук* по созвучию с антропонимом *Павел* [Фасмер 3, 181, 218].

Проведенный мотивационно-семантический анализ отантропонимических наименований насекомых показывает, что культурная «прецедентность» имени может лежать на поверхности (например, обозначение бабочки *егóрик, егóрьевский пекалэк* – «Весной лятают егорьевские пекальки», вероятнее всего, связано с тем, что в день св. Георгия запрещалось уничтожать насекомых), а может и не прочитываться синхронным языковым соз-

нением (например, трудно подозревать в обозначении божьей коровки *ивáнчик* «отсылку» к мифическому жениху, персонажу народного сюжета «свадьба Солнца»³. Нельзя исключать и того, что некоторые энтомосемизмы, для которых мы не можем точно указать прецедент (*олёнка, тимбишка*), на самом деле соотносимы с именами, имеющими культурное «настоящее» или «прошлое». Верно и то, что энтомосемизмы, в основе которых лежат имена, на самом деле могли не иметь связи с прецедентом и возникнуть на «волне» антропоморфизации насекомых.

Хронологический концептуальный код основан на осмыслении насекомых в связи с категорией времени. Языковым воплощением этого кода является использование хронимов в номинациях насекомых (*ма́йский жук, мину́тка*), а также участие энтомосемизмов в обозначениях определенных временных периодов (*Лукéрья-комáрница* 'праздник Святой Лукерьи 13 мая по ст. ст.; время, когда появляются комары'). Результатом анализа хронологического концептуального кода стал реконструированный нами энтомологический календарь.

В основу названий насекомых могут быть положены обозначения различных временных периодов: 1) время года: *весня́нка* 'насекомое ручейник', *осéнняя му́ха, комáрщина* 'пора, когда водятся комары'); 2) месяц: *ма́йская бука́шка, му́ха-сентябрю́ха*; 3) день (как правило, день памяти какого-либо святого): *пау́ты, проко́пьевичи* 'в поговорке, означающей, что оводы пропадают с Прокопьева дня (21 июля по нов. ст.)', *комары́ шлычи́*, ср. «С Ильина дня комары и пауты пропадают»; 4) другие отрезки времени, не входящие в природный календарь, но имеющие определенное значение для человека: ледокол, сев, первый снег, а также периоды активности и пассивности насекомых (например, *засева́тель* 'овод, появляющийся в период, когда надо начинать сев' – «Овод к обедне сходит, после Ильина дня умирают, потом засеватели, красный, крупный овод, – значит, сеять надо»).

Способность энтомосемизмов выражать хронологическую семантику обусловлена тем, что насекомые вместе с природой проживают свой жизненный цикл и, таким образом, являются удобным мерилем для дополнительной (энтомологической) регламентации годового круга. Кроме того, летающие и жалящие насекомые в достаточной степени вовлечены в бытийное пространство человека (особенно это проявляется в летний период, когда насекомые не только уничтожают урожай, но и досаждают человеку и домашним животным физически). Изменение поведения этих животных в

³ См. об этом, например, в работе: *О. А. Терновская*. Божья коровка и народный календарь. Заметки по истории культуры // Мифологические представления в народном творчестве. – М., 1993 – С. 50–51.

лучшую или худшую сторону не проходит незамеченным и подобные временные веки органично помещаются в народный (например, полевой или животноводческий) календарь.

Отметим, что выделенные концептуальные коды – далеко не все возможные варианты способов осмысления мира насекомых. Так, в рамках животного кода можно выделить орнитонимический код (модель «птица» → «насекомое», ср. *лástочка* ‘бабочка’), мифологический код (использование в наименованиях насекомых обозначений мифологических существ, ср. *мáвка* ‘кузнечик’ и ‘домовой’). При этом большинство кодов находит свое отражение не только на уровне языка, но и в невербальной культурной традиции.

Как говорилось выше, названия насекомых имеют также регулярные «правые» семантико-мотивационные связи, что позволяет говорить о существовании энтомологического кода, проявляющего себя, в частности, в обозначениях болезней (и шире – аномальных психофизических состояний животного или человека), ср. диал. калуж. *бáбочка* ‘внутреннее заболевание у овец’, волог. *ули́та* ‘то же’; пск. *с тараканами в голове* ‘о человеке, ведущем себя странно, придурковатом’, *метлячки́ в глазах бегают* ‘о пьяном’, ср. *метлячок* ‘мотылек’. Отметим, что модель «насекомое» → «болезнь» оказывается однонаправленной (работающей преимущественно «направо»).

В *третьей главе «Этнолингвистические портреты насекомых»* осуществляется реконструкция этнолингвистических портретов отдельных насекомых. Данный раздел, в отличие от предыдущих, имеет «индивидуализирующий» характер и ориентирован на описание отдельных персонажей мира насекомых. Реконструкция образов насекомых производится через систему мотивационных признаков, которые выделяются в результате ономаσιологического анализа энтомосемизмов и их дериватов и представляют собой несколько типов. Большинство таких признаков следует обозначить как дескриптивные, так как они, отражаясь в номинации, соответствуют реальным характеристикам денотата. Отдельную категорию составляют эмпатические мотивационные признаки, связанные с ирреальными свойствами денотата, приписанными ему извне волей номинатора. Объект в подобных случаях воспринимается как «вжившийся в миф» и функционирующий в рамках того или иного сценария. Так, например, наименование бабочки *ворогу́ша*, тождественное обозначению лихорадки, связано с мифическим представлением о том, что эта бабочка способна наклеивать болезнь своим появлением или вступлением в контакт с человеком.

Описание образов насекомых производится с привлечением инославянских языковых и культурных данных, «дублирующих» ту или иную но-

минативную модель, выявленную в русском языке, ср., например, рус. литер. *мухи в голове* 'о странном, глупом, легкомысленном человеке', *словно муху проглотил* 'о странном, недовольном виде', блр. *он трохі з мухамі* 'ненормальный', укр. *мухи в глові, повна голова мух, дружити з мухами* 'о придурковатом', чеш. *ta ten touchu v nose* 'о странном человеке'. В результате анализа были представлены 11 этнолингвистических портретов насекомых: бабочка (мотылек), блоха, божья коровка, вошь, жуки, комар, кузнечик (сверчок, медведка), муравей, муха, паук, пчела (оса).

Помимо языковых фактов, используются разного рода фольклорные и этнографические данные. Богатый материал для раскрытия символики насекомых дают обряды, в которых насекомые фигурируют как центральные персонажи (например, обряд изведения тараканов). Важные сведения для реконструкции культурных представлений содержат тексты малых фольклорных жанров, имеющие устойчивый, формульный характер (загадки, формулы увещевания и задабривания, а также короткие прибаутки, пословицы и поговорки). В качестве справочной информации в каждом портрете приводятся этимологии общенародных видовых обозначений насекомых (*бабочка, муха, комар* и т. д.).

Выбранная текстовая форма подачи материала и результатов анализа позволила избежать жесткого порядка представления мотивационных признаков. Однако мы старались подавать признаки по степени их объективности, начиная с дескриптивных характеристик (цвет, размер, особенности поведения и т. д.) и заканчивая эмпатическими свойствами (например, способность провоцировать болезни и проч.).

Приведем пример одной этнолингвистической зарисовки.

Кузнечик (сверчок, медведка)

В одну группу этих насекомых позволяет объединить не только их биологическое (все они относятся к отряду прямокрылых), но и номинативное родство, которое проявляется в лексике. У русских, как отмечает В. И. Даль, сверчки делятся по месту обитания на *запечных* (собственно *сверчок*), *полевых* или *лесных* (*кузнечик*) и *земляных* (*земляной сверчок* или *земляной рак* – насекомое медведка). У украинцев кузнечик тоже иногда называется *польовий сверцок* (*сверцук*). В восточнославянских диалектах названия кузнечика нередко совпадают с названием сверчка: рус. ленингр., моск., смол. *сверчок*, калуж. *сваршок*, твер. *сверкун*, смол. *сваркун*; укр. волын. *сверцок*, *свиргун*, *свіркун*, ровен. *цівіркун*. Кузнечик может сближаться с саранчой, ср. полтав. *саран*. Из других лексических сближений следует отметить общие наименования для кузнечика, сверчка и стрекозы: онеж. *веретно́* 'стрекоза' и забайк. 'кузнечик', вят. *кобы́лка* 'сверчок' и сиб. 'стрекоза', *конёк* 'кузнечик', волог. *конёк-щелкун* 'сверчок', калуж., смол. *кузнёц* 'кузнечик' и брян. 'стрекоза'.

Функциональное сходство кузнечика и медведки обнаруживается в приметах, связанных с началом сева: в некоторых районах Польши сев овса начинают с появления кузнечиков, а в южной России крестьяне примечают: «Медведки закричали – сей пшаницу!».

Из объективных свойств данных насекомых наиболее номинативно востребованной оказывается звуковая характеристика: эти представители отряда прямокрылых, вибрируя надкрыльями, издают особое стрекотание, слышное человеческому уху. Именно с этим свойством связано литературное *сверчок*⁴: слово образовано от звукоподражательного глагола *сверчать* (**skvrčati*) ‘производить стрекочущий звук; верещать’⁵, ср. укр. *сверчок*, блр. *цвыркун*, польск. *świerszcz*, чеш. *cvrček*, с.-хорв. *цврчак* [Черных 2, 145].

Общепринятый энтомологический термин *кузнёчик*, как и диалектизм без уменьшительно-ласкательного суффикса калуж., смол. *кузнёц* в том же значении, соотносимы с лексемой *кузнец* и являются результатом семантического переноса «профессиональный деятель» → «насекомое» на базе мотивирующего признака «издающий мерный звук, шум» – очевидно, звук ударов молота о наковальню сравнивается со стрекотанием кузнечика (так, например, про сверчка говорят, что он «кует», когда стрекочет).

Звуковая характеристика насекомого активизируется также в следующих наименованиях: арх. *пукун* ‘сверчок’, волог. *чирок*, новг. *пескарь* ‘кузнечик’, ленингр. *свистун* ‘сверчок’, новг. *стрекотун* ‘сверчок, кузнечик’, яросл. *стукáč* ‘сверчок’, арх. *конёк-щелкун* ‘сверчок’.

Благодаря своей звуковой активности непосредственно в доме человека, сверчок, в отличие от кузнечика, шире представлен в поверьях и запретах, связанных с периодичностью и интенсивностью стрекотания этого насекомого. Присутствие в доме стрекочущего сверчка может приносить его обитателям счастье. Это поверье известно в Чехии и в некоторых районах Польши. Гуцулы запрещают убивать сверчка, так как это может повлечь за собой несчастье. В Малопольше считают, что если мешать сверчку стрекотать, тот выпрыгнет в еду. Ничего хорошего не предвещает внезапное исчезновение (замолкание) сверчка в Полесье: «Сверчок указывает на то, что доброго пошлет нам Бог. Если он замолчит, то с грустью и беспокойством говорят: “Сверчок ушел, наверное, и у нас кто-то уйдет (умрет)”». Стрекотание сверчка может оцениваться положительно в целом и восприниматься в качестве прославления Бога: рус. «Сверчок поет, Бога хвалит».

Не менее распространено «обратное» поверье о том, что стрекотание

⁴ Ср. также диал. пск. *сверч*, дон. *сверчун*, орл., тул. *свершобк*, *сверкун*, *сверлушка*, *сверляк* (без указ. места) и др.

⁵ Слово *сверчок* употребляется еще и как название певчей птицы *Locustella* [Черных 2, 145], ср. также диал. калуж., яросл. *сверчок* ‘птица-королек’.

кузнечика (сверчка) – плохая примета. Своим стрекотанием сверчок (кузнечик) может накликать смерть или уход хозяев из дома. Ср. у русских: «Кузнечик кует. Когда он заберется в жилые покои, будет трещать, то значит, по народному поверью, выживет хозяев из дома»; «Бирюк [сверчок] сверчит к покойнику»; по мнению белорусов, сверчки в избе предвещают смерть кого-либо из домашних, так как в их стрекоте слышны слова «смерть, смерть». Польское поверье о связи сверчка со смертью проиллюстрировано таким рассказом: «У матери была больная дочь, и она слышала стрекотание сверчка за окном. И состояние дочери ухудшилось. Через несколько дней стрекотания уже не было слышно у кровати больной, которая наутро умерла».

В данном случае маркированным оказывается аномальное поведение насекомого – сверчок стрекочет сначала за окном, а потом уже в доме. Для русских неестественным оказывается перемещение сверчка по дому – если он летает по избе – это к смерти или к пожару. Поляки называют сверчка *śmiertelny zegier* (смертельные часы). Думается, здесь, помимо связи стрекотания сверчка со смертью, присутствует уподобление мерного потрескивания насекомого тиканью часов, отмеряющих время жизни человека.

Стрекотание или, напротив, молчание сверчков (кузнечиков) может указывать на грядущие перемены погоды: рус. «Кузнечики не стрекочут – погода будет плохая и дождь»; укр. «Цвиркун [сверчок] цвирчить – на годину, а мовчить – на дощ»; болг. «Если сверчки полевые много на нивах во время жатвы кричат – будет хорошая погода»; польск. «Стрекотание сверчка ночью – к ненастью».

Задумываясь об объективных причинах такой культурной и номинативной значимости стрекота сверчка, следует отметить, что издаваемые звуки – практически единственный ощутимый признак, по которому можно определить присутствие этого насекомого в доме (обнаружить его «физически» довольно сложно).

В ряде этнотомологических обозначений человека фиксируется маленький размер сверчка или кузнечика, ср. определение низкорослого человека новг. *сверчок*, *чиркун* ‘кузнечик’ и ‘малорослый мужчина’. Кроме того, *сверчком* называют озорного, непоседливого и шаловливого ребенка (калуж., яросл.) – думается, в этом случае к признаку маленького размера прибавляется звуковая характеристика (озорной ребенок много шумит). Эти два признака (звук и размер) часто выступают «в паре» – «Не велик сверчок, да громко поет»; «Маленькая птичка, а громко поет».

Сверчок, в отличие от других насекомых, лишен признака множественности – напротив, некоторые его обозначения указывают на «одиночный» образ жизни: в донских говорах его называют *бирюком*, ср. литер.

бирюк 'одинокый, нелюдимый человек'.

В редких случаях находим указание на цвет кузнечика, ср. дон. *зелёнка* 'зеленый кузнечик', или окраску части его тела, ср. дон. *желто-пузка*.

Некоторые русские диалектные названия кузнечика – арх. *смёлка*, *смóлик*, смол. *дегтярь* – связаны с его способностью выпускать из своего рыльца каплю густой жидкости (сперматофлакса), которая по цвету уподобляется смоле или меду, ср. арх. – «Ой, богов конек [кузнечик], посадишь на крест: богов конек, дай медку! Он маленько плюнет». Этой жидкости приписываются целебные свойства. В Польше, например, дети играют с кузнечиком, держат его в горсти (кулаке) и говорят: «Daj mi, koniu, maści na moje boleści; jak mi dasz maści, rzucę cię na przepaści!» (Дай мне, конёк, мази для моих болячек; если дашь мне мази, отпущу тебя пастись!).

Достаточно важным для номинатора оказывается признак локуса, места обитания сверчка или кузнечика. За сверчком закреплено внутреннее пространство (жилище человека), а за кузнечиком – внешнее, например, поле (трава, злаки), ср. чкал. *овсяночка*, зап. *жйтничек* 'кузнечик, кобылка', полес. «Много кузнечиков – будет ядреное жито» (примета), зап.-укр. *коник дикий (травляний)*, польск. *koniczek polny* (букв. *полевой конек*).

Пространство обитания сверчка связано с печью: место под печью (тамб. *подпечай*), угол за печью (дон. *кутляк* 'насекомое сверчок или кузнечик', ср. повсеместн. *кут* 'угол в избе, доме'; смол. 'место за печью'), шесток (*знай всяк сверчок свой шесток*⁶). С печью связаны польские поверья о том, что сверчков может наслать печник, если хозяева его чем-нибудь обидят или мало заплатят.

Факультативным оказывается место под крышей, за стрехой (ряз. *застрешник*). Сверчку как обитателю человеческого жилища отводится роль своего рода домашнего покровителя, необходимого атрибута жилья и быта, ср. «Была бы изба нова, а сверчки будут»; «Живем не мотаем, а пустых шей не хлебаем: хоть сверчок в горшок, а все с наваром бываем»; «Сверчки наперед хозяина перебрались в новый дом».

Как и некоторые другие насекомые, кузнечик соотносится со скотом – с конем (кобылой) и козой (козлом). Практически у всех славян названия кузнечика связаны с конем: рус. *конёк*, *конёк-щелкун*, *кóник*, чеш. *kůň*, *koňček*; пол. *konik*, *konik polny*, *pasikonik*; словен. *kuņjek*; хорв. *konic*, болг. *зелено кончя*, *зелен кон*; зап.-укр. *коник*, *конік дикі*. Гурали польских Бескид даже стрекотание кузнечика называют ржанием. Ср. еще русские

⁶ Сверчок, «знающий» свой шесток, становится своеобразным символом ничтожного человека, должного знать свое место, ср. орл., тул. *Всяк свершок знай свой шесток, а баба свое веретено*.

диалектные названия кузнечика: арх. *кобы́лка-стремяну́шка*, киров. *кобы́ла*, вят. *кобы́лица*, нижегор., костр. *лоша́дка*, забайкал. *сй́вка*.

Иногда кузнечика называют «божьим» конем, ср. рус. арх. *бо́гов* (*бо́говый*) *конёк* (*ко́ничек*), *бо́гов конёк*, *бо́гова кобы́лка* (*лоша́дка*), *бо́говушкин конёк*, волог. *бо́говый* (*бо́гов*) *конёк*. При этом в некоторых диалектах возникает лексическая оппозиция кузнечика и божьей коровки: «божий конь» – «божья корова». Например, у русских Архангельской области: *божий коничок* – *божья короушка*, *божий конёк* – *короу́ка*. «Божественность» кузнечика проявляется и в поверьях. Так, в Жешовском воев. считают, что кузнечик носит Бога – Иисуса Христа. С наименованиями животных связаны и диалектные названия медведки, которые соотносят это насекомое чаще всего с медведем (рус. *медведка*, *медвёдок*, укр. *медведик*, *медведок*, *медведюх*, *земледух* *ведмедюшок*, польск. *niedźwiadek*), раком (рус. *земляной рак*, укр. *рак*, *рачок*, *рак земляний*, болг. *див рак*, *рачец*, *рачък*, *рачка*), а также волком (укр. *вовчок*), свиньей (болг. *попово прасе*) и собакой (укр. *земляна сучка*, *сучка*, *сучечка*, *собачка*, болг. *сляпо куче*).

Биологическая активность кузнечика может быть календарно или темпорально приурочена. Русские и украинцы считают, что сверчки начинают стрекотать в день св. Феодула (5/18.04), ср. рус. «На Феудла сверчки просыпаются». Обозначение кузнечика арх. *зо́рник*, волог. *зорничо́к*, скорее всего, мотивировано особенно интенсивным стрекотанием насекомого на вечерней заре. Согласно народно-этимологической версии, слово *зо́рник* является производным от яросл., симб., волог. *зо́рить* ‘смотреть пристально, внимательно; всматриваться, наблюдать’, – кузнечику приписывается способность наблюдать за созреванием хлеба. Об этом свидетельствуют контексты типа: «Хлеба станут поспевать, так зорник их зорит...баско зорит зорник». Древнерусское (русско-церковнославянское) обозначение кузнечика *изокъ* развивает значение ‘месяц июнь’ (активность сверчков приходится как раз на июнь); этой лексеме соответствуют польск. *zok* ‘июнь’, болг. и серб. *изок* ‘июнь’ и укр. диал. *зо́ки* ‘косоглазый’. Само слово *изокъ*, первоначально прилагательное, представляет собою сложение префикса **jъz* ‘из’ с корнем **ok* (**oko* ‘глаз’) с наиболее вероятным значением ‘пучеглазый’ [Фасмер 2, 123].

Индивидуальная характеристика образов насекомых по данным системы языка и культурной традиции позволяет увидеть, что семиотическое «освоение» реалий происходит неравномерно. Подобная избирательность сказывается уже на предварительном этапе отбора персонажей для этнолингвистического портретирования. В данном случае мы учитывали степень (полноту) языковой и культурной «вплощенности» того или иного персо-

нажа. Некоторые насекомые, например, *моль* или *клец*, представлены в языке (и шире – в народной культуре) очень скупо: для них имеется общенародное видовое обозначение, минимум семантических дериватов, несколько фразеологических образований и слабая репрезентативность в фольклорной и обрядовой традиции. Такие насекомые (и соответственно – их этнолингвистические портреты) не попали на нашу энтомологическую «выставку». Образы же других насекомых, напротив, детально разработаны и характеризуются ощутимой лингво-культурной маркированностью и этнолингвистической информативностью. К ним относятся, например, *бабочка*, *божья коровка*, *муха*, *таракан*.

Как отмечает Е. Л. Березович, с точки зрения когнитивного генезиса подобная символическая избирательность этнокультурной информации «связана скорее с работой чувственно-эмпирического мышления, нежели рационально-логического»⁷. Можно выявить некоторые критерии «особого» внимания языка и культуры к отдельным фрагментам объективной действительности (т. е., по сути, закономерности, определяющие мотивационную активность энтомологической лексики).

В качестве первого критерия следует выделить степень вовлеченности/невовлеченности объекта в сценарий взаимодействия с человеком. Так, например, культурно-языковой образ *вши* детально разрабатывается именно благодаря активному (даже агрессивному) вторжению этого насекомого в индивидуальное пространство человека. Это касается и других домашних паразитов, например, *блохи*, *клопа* и *таракана*.

Другим критерием может стать своего рода «антропоморфный» потенциал, присутствующий у некоторых насекомых. Например, таким потенциалом обладают насекомые, обитающие в организованном сообществе (*пчелы* и *муравьи*). Образ жизни этих насекомых, вероятно, метафорически соотносится с формами организации человеческого существования. Сложная организация пчелиного сообщества провоцирует появление «социально-ролевых» наименований, классифицирующих этих насекомых по сферам деятельности, ср. *рабочая пчела*, *трутень*, *матка*, *приемщица*. По поверью, счастье пчеловодам приносит большая длинная пчела, которая называется *князёк*. В пчелиной семье имеется самка – пчелиная матка, ср. *без матки пчелки – пропащие детки*. Этим насекомым приписываются и другие человеческие свойства (выносливость муравья, трудолюбие пчелы и проч.).

Существенным фактором, влияющим на степень символического освоения объекта, является «выразительность» самой реалии, ее внерядоположенность по отношению к другим объектам действительности. Важным оказывается наличие уникального дифференцирующего признака, который

⁷ Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура. – М. : Индрик, 2007. – С. 9.

позволяет «опознать» конкретное насекомое. Например, божья коровка «выгодно выделяется» на фоне своих собратьев особенностями облика и поведения. Она, в отличие от других жуков, имеет на спине 7 пятнышек, ср. лат. *Coccinella septempunctata* (думается, важную роль здесь может играть и сакральное число 7). Светлячок обязан своей семантической «нагруженностью» внешним особенностям, а именно способностью светиться в темноте (этот признак отражен в первичном наименовании этого насекомого). Особая культурная семантика пчелы, очевидно, связана с ее индивидуальной способностью производить мед. Объективная польза пчел и, как следствие, включенность их в прагматическое пространство человека, а также «социальный» образ жизни этих насекомых обуславливают «качественную» проработку образа пчелы в языке и культуре.

Достаточно активное использование в работе невербальных данных народной традиции позволяет сопоставить особенности языкового и культурного «освоения» реалии. В ряде случаев мы можем говорить о «синонимичности» семиотических систем языка и культуры. Например, важная с этнокультурной точки зрения информация о том, что бабочка может символизировать душу предка, закреплена как лексически, ср. *душенька, бóгова душа* ‘бабочка’, так и акционально, на уровне поверий, сюжет которых сводится к тому, что летающая бабочка – это душа человека. Таким образом, происходит знаковое мультиплицирование одной и той же этнокультурной информации, которая используется двумя разными семиотическими системами. Однако здесь перед нами не только проявление изоморфизма вербального и акционального кодов, но и пример культурной мотивации. Так, «раскручивая» лексему *душечка* ‘бабочка’ с точки зрения семантической мотивации, мы вернее всего обнаружим некий существующий или предполагаемый культурный сценарий (бабочка – это душа умершего), в «недрах» которого слово *душечка* сначала стало частью словесного клише (*вон, душечка прилетела*), а затем лексикализировалось и превратилось в обозначение бабочки.

Фиксируются также случаи полного отсутствия каких бы то ни было «переключек» в разных субстанциональных кодах (вербальном и невербальном). Например, *науку* в народной культурной традиции присваивается «высокий» семиотический статус (о)снователя мира (срабатывает идея ткачества как миротворения). В то же время эта его почетная функция в языковом «режиме» не активизируется: в вербальном пространстве признак плетения эксплицируется напрямую (*сётник, тенётник*) и никак символически не переосмысливается. Пристально взглядевшись в мир насекомых через «лупу» не только языка, но и культурной традиции, мы попытались охарактеризовать по отдельности и создать в некотором роде «список избранных» энто-

мологических персонажей, выступающих в своем знаковом культурно-языковом «облачении» в качестве символов культуры.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. Об одной символической модели в славянской народной энтомологии // Славяноведение. – 2007. – № 6. – С. 57–70.
2. Вошкать ... медлить // Русская речь. – 2007. (В печати.)
3. Об одной модели номинации кузнечика (*Tettigonia*) в русских говорах // Актуальные проблемы лингвистики: Ежегодн. регион. науч. конф. : Мат-лы. – Екатеринбург, 2001. – С. 53–54.
4. К вопросу о языковых и культурных параллелях (на материале образов насекомых в русских народных говорах и традиционной культуре) // Язык. Система. Личность. Национально-культурные стереотипы сознания и их отражение в языке : Материалы докладов и сообщений Всероссийск. науч. конф. – Екатеринбург, 2002. – С. 53–56.
5. Об одной мифологической семантической модели («животное» → болезнь) // Русская диалектная этимология : Материалы IV Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2002. – С.85–87. (В соавторстве с М. А. Гурьяновой.)
6. Языковой и культурный портрет реалии: таракан. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore_laboratory/Krivoschapova.htm 2003.
7. Образы птиц и насекомых в русских обозначениях интеллекта человека // Кодови словенских култура. Београд. – 2003. – № 8. – С. 7–16. (В соавторстве с Т. В. Леонтьевой.)
8. Номинативные особенности лексико-семантической группы «насекомые» (на материале лексики русских народных говоров). – Режим доступа: <http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a> 2004.
9. Диалектная лексика и народные представления о мире // Живая старина. – 2004. – № 2. – С. 42–44. (В соавторстве с К. В. Пьянковой.)
10. Номинативные особенности ЛСГ «Насекомые» (на материале русских народных говоров) // Ономастика и диалектная лексика : Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 5. – С. 169–179.
11. Антропологическая модель в наименованиях насекомых // Ономастика в кругу гуманитарных наук : Тез. докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 19–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 88–92.
12. Домашние насекомые-паразиты в языке и фольклоре // Живая старина. – 2005. – № 4. – С. 40–43.
13. Образы насекомых в славянских толкованиях снов и гаданиях // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции : Сб. статей. – М., 2006. – Вып. 16. – С. 198–210.
14. Энтомологический календарь в зеркале русского языка и народной культуры // Антропологический форум. – 2006. – № 4. – С. 313–326.
15. Этнонимическая модель в славянских названиях насекомых // Studia Etymologica Brunensia. – Praha, 2006. – № 4. – С. 17–35. (В соавторстве с Е. Л. Березович.)

16. Языковой и культурный портрет реалии: паук // Ономастика и диалектная лексика : Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 6. – С. 83–87.

Подписано в печать 25.09.2007. Формат 60×84 1/16

Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Копимаркет».

620026, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 194.
Тел.: 261-60-96